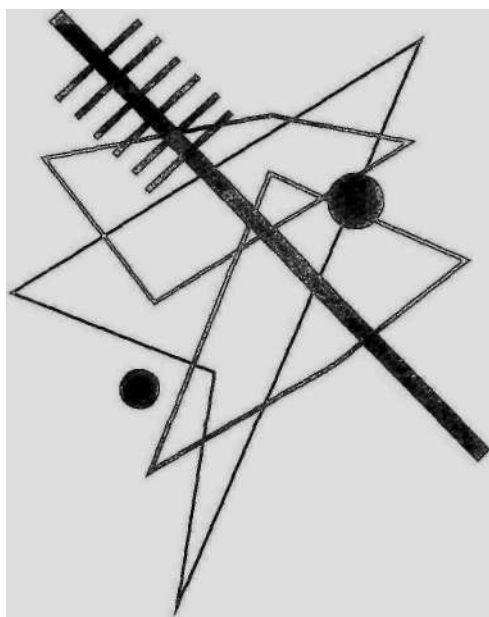

ЛЕВ АННИНСКИЙ
БАРДЫ

МОСКВА «СОГЛАСИЕ» 1999

Вечная разгадка?

*Я стою, как перед вечною загадкой,
Пред великою да сказочной странюю —
Перед солоно — да горько-кисло-сладкою,
Голубую, родниковою, ржаную...*

Владимир Высоцкий

Кажется, разгадка на поверхности: выдержал бой с Советской властью! В самые мутно-застойные годы — пробил стенку! Взял штурмом, напором, нахрапом! Беззаконная комета! Одинокий волк, медведь-шатун, изгой, штрафник, заложник. Огни, воды, медные трубы прошел. Сказка!

Да, напор был. Лез на стенку. Но был и подпор — та самая почва, на которой все стенки стоят. Километры магнитофонной ленты от Таганки до Магадана выстилали незаконный путь. Под благовест собственного хрипа из выставленных на подоконники динамиков — хаживал от вертолета до гостиницы на Северах. А начальство? А начальство все эти пленки первым же и получало из рук собственных детей, с ума сошедших. Начальство звало автора в кабинет, слушало «Охоту на волков» и плакало так же беззаконно.

А как умер, — шлюзы открылись — хлынула русская любовь, безоглядная, яростная, через все цензуры. И все, что он, ерничая и юродствуя, демонстративно отвергал, — посыпалось навалом. О газетном некрологе «на последней странице в углу» даже и не мечталось? — Получил — на последней, а там и на первой. «Памятник в сквере где-нибудь у Петровских ворот»? — Получил и памятник, нарочно и именно в том

сквере. Аршинные рекламы «в гробу видал»? Получил все это за гробом. Разве что «на монетах вместо герба» еще не отчеканили... да при нашей русской широте, да при девальвации — могут.

Если отсчитывать от стенки, которую проломил Высоцкий, разгадка — в его волевом вольном напоре. Если отсчитывать от того, насколько легко подалась стенка, какая гнилая была и как быстро завалилась, — то разгадка Высоцкого в том, *куда* он ткнул и

Удачно ткнул, точно. Не повторить.

Не повторить ни хриплого голоса, ни хулиганской повадки. Скопировать можно, найти «равнозначное» — вряд ли.

Но тогда — что останется от этого громогласного эпизода в истории русской культуры? От этих шестисот песен, живущих только в *том* голосе? Может, и в *том времени* только? Легенда осуществилась сказочно быстро, с исполнением всех желаний. И только теперь начинается испытание временем.

Стремительность, с которой было сразу найдено все: тон, мелодика, образ, — поразительна. Одна только пробно-неверная нота и вырвалась — когда двадцатидвухлетний студент зарифмовал газетное сообщение о беспрецедентном рейде нашей заблудшей посудины к американскому берегу. Торопился бард: Зиганшина из Асхата в Асхана переименовал, а Поплавского, который ел гармошку, описал в романсовом духе: «Крутая скатилась слеза...» Отрекался потом от этой песни: «пособие для халтурщиков». Однако пел. Потому что «крутая слеза» — это тот самый стиль,

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ

в который, как в стенку, будет идти игра. И мотив (чужой), на который запелось, — блатной, рыдающий, — «*Я был батальонный разведчик*» — это же та самая канва, по которой будет вышит весь Высоцкий, вернее, прошит, если учесть обилие ножей и пуль в его творчестве. Только капля и нужна была, чтобы пролилась струя и пошел поток.

Капля потребовалась традиционно русская: сивушная. С первых песен, где герой выпивает, буянит, засыпает, просыпается и снова выпивает, — до последнего предсмертного парафраза из Блока: «Мы тоже дети страшных лет России, безвременье вливалось водку в нас».

Патентованно-русский ход мысли: не мы ее пьем — ее в нас «вливают».

Блатной антураж строится на перманентной обиде, что кто-то нас *заставляет* безобразничать, что-то нас заедает (в XIX веке знали, что заедает — «среда»). А мы — «не виноватые». Но — осужденные. По железной схеме: срок, рыдающая мать, рыдающая подруга, рыдающая гитара...

Но какое безошибочное чутье на адресата! «К гитаре тяга есть в народе». Это, значит, минуем гармонь трехрядку! Это, значит, в нынешнем народе. Народ, у которого «на левой груди — профиль Сталина, а на правой — Маринка анфас». У которого маршрут «от ларька до нашей бакалеи». Который — «головой быка убил».

Тут прелесть не в точности примет, складывающихся в габитус и диагноз, а в блестящей игре гро-

тесковых преувеличений. Типичное: не любо — не слушай, а врать не мешай! Неподдельное, родимое, из подворотни вынесенное: «да ладно!».

Да ладно — ну уснул вчера в опилках,
 Да ладно — в челюсть врезали ногой,
 Да ладно — потащили на носилках, —
 Скажи еще спасибо, что живой!

А ведь в этом ироническом «скажи еще спасибо» угадывается что-то потаенно-интеллигентское. Какой-то тонкий яд проскальзывает в хрипато-нахрапе хама-хулигана. Не надо даже брать строчки на просвет... впрочем, можно и на просвет. Тогда выколота на исполосованной ножами груди Маринка вдруг напомнит Метерлинка, а уркаган-щипач-ско-карь под ножом хирурга вдруг в бреду прохрипит: «Россия, Лета, Лорелея»... В протокол это, конечно, не попадет: чего кореш не прохрипит в бреду! Важнее общая мелодия: этот хулиганский треп-бред все время идет на такой запредельной ноте, что ему не то что веришь, а веришь ему именно как шепутному, притворному, залихватски-игровому, шалому, бесшабашно-лихому, невменяемому.

Хотя невменяемость — продуманна.

По общему абрису хулиган должен быть падох «на баб». Оно вроде бы так и есть: тот, который «головой быка убил», — он и баб режет бесперечь, хотя и «не каждый год». Он их мордует и хвастается... но чем? Если не вслушиваться, то тем самым, чего от него и надо ждать, то есть безудержным насильничань-

ем. Но если вслушаться — так ведь там нечто совсем противоположное. «Я теперь на девок крепкий!» — куражится насильник. То есть он на девок не обращает внимания!

По шаблону хулиган должен быть антисемитом. И вроде бы он на этот счет сильно много высказывается. Но опять-таки, если вслушаться, — ни намёка обидного в его речах насчет евреев нет. А есть даже некоторое братание. На почве водки, естественно. То есть: Мишка Шифман пьет, как хороший русский биндюжник. И немецкие бомбы, между прочим, сыплются в 1941 году одинаково «на Евдоким Кирилыча и Гисю Моисеевну». И вообще, если вы умеете и желаете *слушать* песни (то есть сказки), вы не обманетесь: антисемитизм у Высоцкого, разумеется, есть, но загадочно-сказочный:

Запретили все цари всем царевичам
Строго-настрого ходить по Гуревичам...

Я думаю, что Гуревичи могут спать спокойно.

Герой — все по тому же шаблону — должен, как рыба в воде, плавать в толпе, то есть в артели, то есть в общине вместе с «Евдоким Кирилычами», «Колянами» и «Иванами». Что он и делает, демонстративно пластаясь с ними то в пьянке, то в поножовщине. Да вот только «толпа» у него — если вслушаться и вдуматься — жуткая. Смертельно опасная. Дыбом стоит. И единение с народом включает все ту же скоморошину, которая, если не вдумываться и не вслушиваться, просто потешна. А если...

Я из народа вышел поутру —
И не вернусь, хоть *мне и* предлагали.

Станислав Куняев, понимающий проблемы без всякой скоморошины, просек этот балаганчик моментально. И отверг Высоцкого со всей яростью идейного борца — отверг начисто и бесповоротно от имени того самого «народно-патриотического фронта», к которому Высоцкий, по всей своей народной «звукофизиономике» вроде бы должен принадлежать. Не к высоколобым же диссидентам! Ибо есть «бега», а есть «балеты». Втихаря Высоцкий, может, и смотается на балет, то есть на Метерлинка, то есть туда, где водится Лета-Лорелея, но на балете его наши мужики сроду не увидят, а вот что он заявится на бега, да не пропустит и бильярдной, — это факт, и тут наши мужики его не только увидят-услышат, но и признают-таки своим. В отличие от Станислава Куняева.

Загранку — и ту простили! Это же вообще — неслыханно: чтобы наш, коренной, народный, в доску свой — женился бы на парижанке и вдарился в заграницы! Да ему в спину должны заорать, как иуде! «В Париж мотает, словно мы — в Тюмень!»

И что же? Ничего похожего. Он — мотает. А мы — не только не клянем его, но даже одобряем, а если и завидуем, то — исключительно по-хорошему. И не по той причине, что он там ведет себя по-нашенски, то есть лузгает на Елисейских полях семечки, а в кабаке садится на колени французу, ест из его тарелки руками и кричит: «Друг! За что боролись?!» Ему вовсе

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ

и не обязательно там, в загранке, так русопятствовать. Он там может надеть фрак и цилиндр — и все равно будет наш. Народ все чувствует. Это — как с Маяковским, который шеголял по Парижу и Нью-Йорку в модных шмутках, а российский пролетариат, по проницательному наблюдению Цветаевой, не только не корил его за измену синим блузам и красным флагам, но даже и гордился: наш-то вона куда залетел!

Вот так же наш российский «люмпен» гордился Высоцким, когда тот пошел гулять по Парижу.

Да что говорить: ему сошло даже то, что он сыграл положительного... милиционера — оперативника Жеглова. По габитусу-то у его героя — что с милиционером общего? Да он «мусоров» ненавидеть должен! А он: «Побудьте день вы в милицейской шкуре — вам жизнь покажется наоборот. Давайте выпьем за тех, кто в МУРе, — за тех, кто в МУРе, никто не пьет». И что? Выпили. И еще раз выпили. И еще. Все свои.

Высоцкому простили, от Высоцкого приняли, из рук Высоцкого сожрали все, хотя вроде бы он воплощался в таких героев, которые начисто, напрямую противостояли и противоречили первоначальному анархо-бунтарскому «разносу».

Да так ли уж противоречили?

Система его воплощений по-своему логична. Элементарный ход: от забудыжного хулигана — к картинному пирату с ножом в зубах. Далее — к пещерному человеку с дубиной. Далее — к какому-нибудь зверю-хищнику, соседу по ветви на древе эволюции.

А там и до «жирафа» недалеко: «Жираф большо-ой — ему видней!» Фантазия железно срабатывает, потому что построена по безошибочно найденной стилистике «тюремного романа».

Другая цепочка не менее логична: хулиган — псих с Канатчиковой дачи — смертник из штрафбата — десантник, которому жизнь не дорога...

В сущности, так или иначе все у Высоцкого упирается — в войну. Дубинами или танками-самолетами, но всегда у него — драка, бой, схватка, атака, штурм, напор, прорыв, рваные глотки, разбитые черепа, выпущенные внутренности. Солдатский надсад — самый точный адрес для уникального хриповокала.

В этом есть, я думаю, глубокая интуиция. Когда-то древнегреческие мудрецы много спорили, «что из чего» и, в частности, что фундаментальней: афинская мерность, спартанская доблесть или еще что-нибудь. А Гераклит взмыл надо всем этим и понял: причина — персы, бесконечная война греков с персами; из войны — все.

Поколение «последних идеалистов», выдвинувшее Высоцкого, выварилось добела в «социализме», «коммунизме» и прочих идейностях; поэтому трудно было понять, что «сталинские лагеря», Троцкие «трудармии» и прочая советская казарма — не от марксизма-ленинизма, а от двух мировых войн, располозовавших Россию, и от ожидания третьей... Высоцкий — не Гераклит, разумеется, и вообще все-таки не философ, но что в основе всей той вывернутой реаль-

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ

нести, которая ему досталась, лежит ярость дерущегося солдата, — он почувал шкурой. Экипировка 1941 года приросла к нему сразу и намертво. Его записали во фронтовики, не вдаваясь в возрастную арифметику, так что, отвечая на письма слушателей, он должен был объяснять, что войну первоначально вычитал из книжек. Все равно, по психологической первооснове он был тем, кого пел: окопником, блокадником. «Я вырос в ленинградскую блокаду...» — и все тут. И никакого никому нет дела до того, что «вырос» Высоцкий на семь лет позже в отвоеванном польском городке, в семье советского офицера («окупанта» — сказали бы еще на семь лет позже), — ведь по типу, по складу, по устремлению души он действительно — шкет, чинарики собирающий «с-под платформы», сирота, сын полка.

Цепочка военных переназначений — самая геройская: герой-летчик, герой-парашютист, герой-подводник. Нужды нет, что, вступая в воздушный бой, наши соколы переговариваются, как заправские шулера («будем играть... равнять козыри»), — главное, что это люди, выросшие в народе, где нормальная ситуация — когда «все ушли на фронт».

Вот, однако, дальнейшие превращения воина уже в мирное время: подводник — аквалангист — спасатель... Альпинист-скалолаз... Далее «силовики» выходят на Большую Спортивную Арену. Впереди боксер. За ним — штангист. Затем — футболист, кумир послевоенной публики. И дальше — по олимпийской программе: метатель молота, прыгун в высоту, прыгун

в длину... А шахматы?! — возопит ядовитый оппонент Высоцкого. Как же, есть и шахматы! Вон один наш сел против Шифера, то бишь Фишера, да в трудный момент кулак ему из-под стола показал, — так Фишер, то бишь Шифер, сразу на ничью согласился!

Смех смехом, но если к этой славной галерее типов добавить шахтера да шофера, о которых Высоцкий тоже сложил вдохновенные и достоверные песенки, — получится не что иное, как шеренга положительных героев, освященных всеми идеологами Советской власти за все ее восемьдесят лет. И сотворил эту шеренгу — тот самый Высоцкий, который от лица бунтующего народа всю свою сознательную актерскую жизнь разносил эту Власть! И она его простила? Простила. И понятно, почему. Как-никак, в годы, когда пошел он писать и играть в «театр и кино», то честно отработал шеренгу таких крутых первопроходцев, таких образцовых для подражания отличников эпохи, таких надежных восходителей — «лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал»! — что Власть была ему благодарна.

Власть — да. Но почему ему все простил — народ? Простил именно эту череду официально-признанных героев — от альпиниста до милиционера, — шеренгу, которая начисто, казалось бы, вывернула первоначальную фигуру «своего парня» — выпивохи и дебошира — во что-то положительно противоположное.

Вывернула. Но не отменила. Тут — главная за— гадка поэтической и артистической судьбы Высоцко—

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ

го и, я думаю, ее разгадка. Выворот смыслов. В кого **угодно** может воплотиться и превратиться **лирический герой**: в бандита из подворотни, в грека из анекдота, в невменяемого психа, косматого жлоба или героя-летчика, — но вы не ухватите, где же его «подлинность». Потому что подлинно здесь — само превращение, невесомость перехода, упоение маской. **Иногда герой берет себе напрокат имя. Иногда это «Ваня», чаще «Николай», но, между прочим, никогда — Владимир. Точнее же всего вот что: «У меня было сорок фамилий, у меня было семь паспортов». Смена паспорта — экстатическое мгновенье, обретение вождя деленного лица, нервный катарсис. Если бы поэзия Высоцкого была бы ориентирована на один какой-нибудь тип, это и было бы «припечатано» — одна мелодия на все песни. Но непрерывное и бесконечное перевоплощение — это та самая внутренняя горячка, которая выплавляет неподдельную строфику-мелодику Высоцкого. Это веселое наращиванье абсурда. Этот покупательский кавардак мужика в городе: «Где же все же взять доху, зятю — кофе на меху? Тестю — хрен, а кум и пивом обойдется. Где мне взять коньяк в пуху, растворимую сноху? Ну а брат и самогоном перебьется!» В чем прелесть? В непрерывном вывороте смыслов. Жизнь — наоборот. Входишь через черный ход — выходишь в окна. «Жизнь моя — и не смекну, для чего играю».**

«Для чего?» — вопрос вполне арифметический. Алгебра же состоит в том, чтобы вопрос не возникал. Ни один облик, схватываемый в нервическом

экстазе, не должен быть удержан как постоянный; от всякого облика хочется немедленно освободиться. То есть, по-народному говоря, «сбежать». Какая ж там гармония? Как какая! Перевернутая. Жизнь «обратным счетом».

Очень русский, очень народный ход воображения: это все, что имеется, «не считать», а начать все заново. Очень русский, очень народный инстинкт — инстинкт народа, собранного с гигантских пространств и в гигантские пространства глядящего. Хорошо там, где нас нет. «Опоньское царство» — вечный магнит для русского скитальца. Наш если и сидит сиднем, то просто разрывается от соблазна «все спалить», «бросить» и податься «на край света». Объяснять это «по-умному» глупо: получатся «общепринятые перлы», которыми, впрочем, Высоцкий виртуозно пользуется, маскируя горячку духа. И вообще: есть вопросы, на которые нет и не будет ответов. Ответы — для «умников». А мы, бог даст, проходим в дураках. «Дурацкое» примериванье одного колпака за другим, одной маски за другой, одного карнавального носа за другим — и есть тот самый «бред», который конгениален бредовой ситуации:

...Гениальный всплеск похож на бред,
В рождение смерть проглядывает косо.
А мы все ставим каверзный ответ
И не находим нужного вопроса.

Классно обернуто. Ответов навалом. Вопрос засекречен.

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ

Вопрос, можно сказать, приблизительно вот такой: куда деться от себя самого?

Еще более важный и тревожный вопрос: насколько состояние героя совпадает с состоянием народа?

«Я из народа вышел...»

Лучше сказать не «вышел», а «сбежал». И правильно сделал. Потому что и в народе главное потаенное желание — «сбежать». «Сбежать куда-нибудь туда...»

Куда же? Круг возможностей — при всей парижской визуальности, — в сущности, недалек от Тюмени. По пьянке подраться и побрататься с французом — это, конечно, экзотика. Но братание Высоцкого с русскими народными скитальцами — не экзотика, это тот самый глубинный, подлинный, реальный духовный контакт, который и обеспечивает ему фантастическое народное признание.

Француз про это сказал бы как-нибудь парадоксально кратко, вогнав в «острый галльский смысл» невыносимые противоречия. «От жажды умираю над ручьем». У нас все шире, смачней и медленней. Есть чем жажду залить и без ручья. Сидя у телевизора, весь мир понять можем:

— Ой, Вань, гляди, какие клоуны!..

На весь мир спето!

А еще лучше — когда диалог привольно растянут и можно излить душу обстоятельно. В письмах.

Она — ему — в город, куда он отбыл «по делам», а также за покупками:

Л. АННИНСКИЙ • БАРДЫ

Здравствуй, Коля, милый мой, друг мой ненаглядный!
 Во первых строках письма шлю тебе привет.
 Вот вернешься ты, боюсь, занятой, нарядный —
 Не заглянешь и домой — сразу в сельсовет...
 Тута Пашка приходил — кум твой окаянный, —
 Еле-еле не далась — даже щас дрожу.
 Он три дня уж, почитай, ходит злой и пьяный —
 Перед тем, как приставать, пьет для куражу...
 Наш амбар в дожди течет — прохудился, верно, —
 Без тебя невмоготу — кто создаст уют?!
 Хоть какой, но приезжай — жду тебя безмерно!
 Если можешь, напиши — что там продают.

Возможен ли достойный и внятный ответ на
 этот тройной выворот любящей души?

Возможен.

Не пиши мне про любовь — не поверю я:
 Мне *вот* тут уже дела твои прошлые.
 Слушай лучше: тут — с лавсаном материя, —
 Если хочешь, я куплю — вещь хорошая.
 Водки я пока не пил — ну ни стопочки!
 Экономлю и не ем даже супу я, —
 Потому что я куплю тебе кофточку,
 Потому что я люблю тебя, глупая.

Это — сегодняшняя русская поэтическая классика. Точный портрет народного сознания.

«Вечная» русская загадка на исходе второго тысячелетия христианской эры. Солоно, горько, кисло, сладко. Из голубого, родникового, ржаного, выворотного рая тянется душа вверх, к Господу. Ждет: когда ж ее оттуда заметят?